

Репрессивные акции государства в отношении крестьянства Центрального Казахстана (конец 1920-х - начало 1930-х гг.)

Репрессии в отношении крестьянства стали основной составляющей курса «Малого Октября», объявленного Ф.И.Голощекиным после прихода к власти в Казахстане. Ф.И. Голощекин утверждал, что в период с 1920 по 1925 год аул Октябрем не был задет, поэтому необходимо проводить «советизацию аулов» и пройтись в казахском ауле с «маленьким Октябрем», под которым он подразумевал, в первую очередь, искусственное усиление классовой борьбы в казахском ауле.

Руководители Казахстана, выступавшие за необходимость такого «усиления», мотивировали это наличием особенностей, присущих в большей степени казахскому аулу, а не русской деревне. К таковым они относили: «сохранившееся влияние бая», «остатки родовых отношений», «большую безграмотность», «экономическую зависимость аульных беднячко-батрацких масс», «бытовую некультурность». Как говорил Ф.И. Голощекин, именно эти «особенности при процессе быстрого перехода аула от докапиталистических форм к новым, коллективным формам неизбежно вызывают более обостренные формы классовой борьбы». Таким образом, партийные руководители сознательно легитимировали методы политического и экономического насилия, применяемые в ходе реализации процесса ускоренного формационного развития.

Репрессивные акции в отношении крестьянства происходили, в частности, в процессе заготовительных кампаний конца 1920-х гг. Хлебозаготовительные кампании, как утверждают исследователи, стали одним из этапов той войны, которую вела против крестьянства, в особенности, против зажиточного крестьянства, Советская власть. Как утверждали руководители Советского государства «Крестьяне представляют собой людей, которые хозяйничают на себя и своими излишками хлеба могут обратить в рабство рабочих... Поэтому наше отношение к этим мелкобуржуазным собственникам есть отношение войны».

Таким образом, крестьянство – главная основа хозяйственной жизни страны, было объявлено на положении внутреннего врага, очутилось «вне закона».

Экономическое принуждение было дополнено применением к аульному и деревенскому крестьянству чрезвычайных мер внеэкономического насилия. Новый председатель Совета Народных комиссаров Казахстана У. Исаев 11 сентября 1929 года подписал указ, согласно которому каждое хозяйство должно было сдать все излишки хлеба не позднее 1 ноября 1929 г. Уклонившимся грозил штраф в пределах пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба или же уголовное дело по ст.61. Необходимо отметить, что эти меры с течением времени все более ужесточались.

Так, если на 20 ноября 1929 г. по Акмолинскому округу, согласно данным пятидневок, было подвергнуто репрессиям по хлебозаготовкам – 1050 человек, из них: в административном порядке – 281, в судебном порядке – 769, было взыскано: штрафов на общую сумму – 422 тыс. 61 рубль, хлеба – 2 тыс. 852 пуда, то уже через пять дней, на 25 ноября, было подвергнуто аналогичным репрессиям – 1426 человек, из них в административном порядке – 229, в судебном порядке – 1197, было взыскано: штрафов на общую сумму 745 тыс. 345 р., хлеба – 3072 пуда.

Менее чем через месяц, на 15-ое декабря 1929 г. по Акмолинскому округу было репрессировано 3 тыс. 828 человек, из них: в административном порядке – 229 человек, в судебном порядке – 3 тыс. 599 человек, было взыскано штрафов на общую сумму – 1 млн. 103 тыс. 728 рублей, хлеба – 8 тыс. 348 пудов.

Социальный состав осужденных был разнородным: среди репрессированных и осужденных было 320 середняков, 965 «зажиточных», 1203 кулаков и баев и 55 бедняков.

Необходимо отметить, что немалое место в осуществлении репрессивной политики, направленной против крестьянства, занимали органы ОГПУ.

В Каркаралинском уезде с января по июль 1928 года было отдано под суд по 62 статье уголовного Кодекса-1261 человек, наложено штрафов на сумму 44тыс.962 рублей, взыскано 832 пуда хлеба. В Жанааркинском районе, в течение 1, 5 месячной кампании, было подвергнуто репрессиям по хлебозаготовкам – 21 человек. В ауле №11, из-за невыполнения непосильного хлебозаготовительного плана, уполномоченными Рысмагамбетовым и Тусуповым был убит крестьянин Касыбаев.

Подобные методы партийно-государственное руководство страны оправдывало необходимостью расширения экспорта зерна, вызванного, по их мнению, усилением темпов индустриализации. Например, в 1930 г. за границу было вывезено 4 млн. 841 тыс. 293 тонны хлеба на сумму 206 млн. 120 тыс. рублей, что равнялось приблизительно 22% общей заготовки из урожая 1930 г. Такого количества зерна СССР еще никогда не вывозил. Насколько велико было значение хлеба в экспорте Советского Союза можно судить по тому, что стоимость экспортированных хлебных культур превышала 1/5 всей суммы экспорта. В следующем 1931 г. размеры хлебного экспорта еще более увеличились и достигли 5 млн. 177 тыс. 882 тонн.

Столь большое количество вывозимого хлеба, по мнению исследователя Мошкова, было вызвано тем, что зерно приходилось продавать на крайне невыгодных условиях. Из-за мирового экономического кризиса, охватившего капиталистические страны в 1929-1933 гг., цены мировом хлебном рынке резко упали и СССР, вывозя в 1931 г. зерно, смог получить за него лишь 156 млн. 558

тыс. рублей, т.е. гораздо меньше, чем год назад. Такой большой объем хлебного экспорта отрицательно повлиял и на внутренний баланс государства, и в результате хлебозаготовительными кампаниями были охвачены даже те районы, где преобладало полукочевое скотоводство.

В этот период массовые репрессии в отношении крестьянства происходили и под флагом раскулачивания и ликвидации байства и кулачества как класса. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 1-го февраля 1930 г. ЦИК и СНК КАССР 19 февраля 1930 г. приняли постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством».

Согласно этому постановлению, окружным исполнительным комитетам предоставлялось право «в районах сплошной коллективизации на основе решений собраний колхозников и батрацко-бедняцких собраний, выселить и расселить кулаков, баев, полупомещиков, полуфеодалов в отдельные округа Казахстана и в пределах округа – в отдельные его районы на новых, отводимых им за пределы хозяйств, участках, с конфискацией всего имущества, за исключением «оставляемого им в размерах, минимально необходимых для ведения хозяйства на вновь отводимых им участках».

Основополагающий приказ по ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» был разработан на основании постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. и содержал основные его положения. «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации, — говорилось в приказе, — в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ. От наших органов больше, чем когда-либо, потребуются исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий».

Как утверждал исследователь Г. Карамурза «Раскулачивание («ликвидация кулачества как класса») представляло собой внесудебную репрессию против крупной социальной группы. Это был крупный проект социальной инженерии, который привел к массовым страданиям».

Таким образом, репрессии против крестьянства обретают уже политический характер и крестьян осуждают по ст. 58, которую в народе называли «политической».

Разработанная в тот период система наказаний для крестьянства включала 6 положений: ст. 58-8, 59-9 УК предусматривали ответственность за подготовку террористического акта; ст.58-10 - за агитацию, направленную к срыву сельскохозяйственных работ; ст. 73-1 - за угрозы в адрес советских и общественных работников; ст.79- за попытку или разбор конфискованного имущества; ст.79-1- за подстрекательство или убий скота; ст.16 и 79 - за повреждение имущества, подлежащего передаче в колхоз. Сотрудники ОГПУ применяли в большей степени ст.58-10 УК РСФСР. Наказание по этой статье предусматривало от трех лет лишения свободы до высшей меры.

Так, в Каркаралинском округе за «контрреволюционную и бандитскую деятельность» по линии ОГПУ было арестовано 400 человек, представлявших, в основном, «кулацко-байские слои» населения, за разбазаривание скота и семенного фонда было осуждено 137 баев. Скот в количестве 10 тыс. 796 голов был конфискован в 174 хозяйствах.

В Акмолинском округе по линии ОГПУ к марту 1930 г. было арестовано и осуждено 357 человек, из них 310 «кулаков и баев», 41 зажиточных и 6 середняков. Было арестовано за «разбазаривание скота» - 30 человек. Репрессии в отношении зажиточных крестьян не замедлили проявить себя в так называемой «чистке» колхозов. Например, в Акмолинском округе к 10 марта 1930 г. прошли так называемую «чистку» 303 колхоза].

Методы насилия, которые применялись в ходе коллективизации сельского хозяйства, вызывали у кочевников такую форму протеста, как кража колхозного скота. Так, в частности, представитель колхоза «Курама» Каркаралинского района Бекмаганбетов Мустафа организовал группу людей, занимавшихся кражей скота из аула № 12 Кувского района. В самом колхозе «Курама» было расхищено около 1050 голов скота. Исследователи придерживаются мнения, что кража и убий колхозного скота были одной из форм скрытого вооруженного протеста против политики государства – своеобразный аналог движения луддитов. Необходимо отметить, что луддиты – это рабочие, считавшие причиной безработицы механизацию производства и занимавшиеся поломкой станков и оборудования.

Следует также иметь в виду, что полное обобществление скота, в котором преуспели местные «активисты» не вызывало восторгов у крестьян. Как полагают исследователи, традиционный крестьянин являлся одновременно и коллективистом-общинником, и индивидуалистом - собственником и даже вступив в колхоз, он не сразу утрачивал природу индивидуалиста-собственника.

Произвол и беззаконие были присущи, как уже утверждалось, и действиям работников ОГПУ. Так, например, сотрудники ОГПУ Семенов Прокопий и Байжанов Исатай по приказу начальника Шетского районного отделения ОГПУ Икрусалимова проводили среди населения незаконные обыски. В августе 1931 года они провели обыск в юрте Макашева Жумахана, «бая, избегающего выплаты государственных заданий и кочующего из одного района в другой». Согласно установкам Икрусалимова, сотрудники ОГПУ обязаны были арестовать Макашева независимо от результатов обыска. При обыске не было понятых, их отсутствие сотрудники ОГПУ оправдывали тем, что жители этого аула являются родственниками Макашева. В конечном счете, Макашев был арестован и доставлен в районный отдел ОГПУ.

Репрессии в отношении крестьянства происходили и в 1932-1933 гг., в условиях массового голода. Колхозники, обреченные на медленную и голодную смерть, любыми способами пытались выжить и спасти своих детей. Это не могло не спровоцировать со стороны отчаявшихся людей проявление различных действий, расценивавшихся как преступления, требующие самого сурового наказания. Например, Акпанов Кенжетай – председатель одного из аульных советов Жанааркинского района был приговорен к расстрелу только за то, что взял несколько пудов продовольственной помощи. Ташмагамбетов Кадырбай был приговорен к такой же мере наказания за несколько пудов хлеба.

В Кургальджинском районе председатель районного суда Баймуханбетов осудил батрака на 10 лет за 6 кг пшеницы. Только за 2,5 месяца 1932 г. в Кургальджинском районе Карагандинской области под руководством областной тройки и по их инициативе было арестовано и осуждено 370 человек, из которых – 36 человек представляли кулачество и байство, а остальные – «бедняцко-средняцкие слои» населения.

По данным Карагандинского областного суда, за преступления, связанные с хищением продовольственной помощи, в первом полугодии 1933 года было привлечено к уголовной ответственности 43 человека. Из них – было приговорено к 10 годам – 35 человек, ниже 10 лет – 8 человек.

Столь суровые меры борьбы и наказания были естественным явлением в тот период, это был сложившийся механизм государственного террора, усиливший свое действие после принятия закона от 7-го августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Согласно этому закону, за подобные преступления грозил расстрел, а при «смягчающих обстоятельствах» - 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества.

Репрессивные функции государства были направлены в этот период и против крестьянских выступлений. Как писал Эрик Хобсбаум, крестьянское выступление

– это протест, ...это выступление не против того, что крестьяне бедны и угнетены, а против того, что они слишком бедны и угнетены.

Как отмечал Джеймс Скотт - создатель моральной экономики крестьянства как этики выживания: «Крестьян побуждала к бунту чаще недостаточность того, что им оставалось, чем величина того, что у них изымалось».

Основным фактором, подтолкнувшим крестьян Центрального Казахстана к протестным выступлениям, являлась политика мясозаготовительных кампаний, в ходе которой повсеместными были нарушения законности. Не случайно, основным требованием выступавших крестьян был возврат незаконно изъятого скота, с которым зачастую связывалась единственная надежда на выживание.

Процессы оседания и коллективизации, обусловившие стремительное обнищание населения, не подкреплённые психологической подготовленностью кочевников, также не могли не вызвать чувство протеста со стороны крестьян.

К сожалению, крестьянские выступления, происходившие в начале 1930-х гг. в Центральном Казахстане, расценивались силовыми структурами как контрреволюционные мятежи и бандитские выступления. Так, в частности, в начале 1930-х гг. были репрессированы участники Абралинского и Шингистауского выступлений: 86 человек было приговорено к высшей мере наказания, 137 человек было заключено в исправительно - трудовые лагеря со сроком от 3 до 10 лет, еще десять человек стали отбывать срок заключения - от 3 до 5 лет - в Казахстане. Жестоко подавлялись государством попытки выступлений и в других районах. Например, в Карсакпайском районе по факту «вооруженного бандитизма» было привлечено к ответственности свыше 30 человек. Их предъявили обвинение по пункту 2 статьи 58-й Уголовного Кодекса РСФСР.

Попытка выступлений против Советской власти была предпринята и в Коунрадском районе. Представители силовых структур не замедлили адекватно, в духе того времени, отреагировать и на это выступление. В результате, 5 участников выступления было приговорено к высшей мере наказания, 4 – к 10 годам лагерей, остальные 11 человек – к различным срокам лишения свободы – от 5 до 3 лет.

Было проиграно и выступление в Шубартауском районе. В этой связи можно привести отрывок из архивных источников «... 31 марта укрепившееся в горах Бакты ядро банды в числе 53 человек было ликвидировано, в результате чего по точным данным убито 42 бандита. Захвачено неизвестное количество оружия и боевых патронов».

Почти все участники этого выступления испытали на себе тяжесть пенитенциарной системы: 28 руководителей было приговорено к расстрелу, 66 человек было заключено в лагеря со сроком от 3 до 10 лет, 17 - стали отбывать сроки заключения - от 3 до 5 лет - в Казахстане.

Одним из факторов, повлиявших на усиление репрессивных функций государства, стал ряд рекомендаций, выработанных органами ОГПУ с целью быстрого подавления выступлений. Они заключались в запретах возить с собой арестованных, вступать в переговоры с бандитскими формированиями, дробить отряды на отдельные части; рекомендовалось преследовать «бандформирования» до полного их разгрома.

Практическое воплощение этих рекомендаций позволило силовым структурам в довольно короткие сроки подавить эти выступления.

Таким образом, локальный характер выступлений, отсутствие единого центра, руководящего движением, недостаточное военно - техническое обеспечение, организованное и жесткое противодействие со стороны силовых структур обусловили результат крестьянских волнений. Усиление репрессивной мощи государства стало сдерживающим фактором в попытках оппозиционных выступлений против существующей власти. Эта одна из причин того, почему эти выступления не имели места в дальнейшем.

Итак, крестьянство в конце 20-х-начале 30-х гг. 20 века испытывало прессинг со стороны советского государства. В стране начинает формироваться тоталитарный режим, который держался не на основных законах, а на партийных указах, распоряжениях и инструкциях. Как писал Ильенков И., поскольку государственные органы ещё с виду действуют, они слагают только показную оболочку партийной диктатуры. Поскольку "граждане" еще существуют, они суть только субъекты обязанностей (но не прав! не полномочий!) и объекты распоряжений. Это есть строй, в котором нет субъектов права, нет законов, нет правового государства.

Альжаппарова Б.К. ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, к.и.н.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

- 1 Голощекин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. -М. – Алма-Ата: ОГИЗ, 1931.- 247с.
- 2 Лурье С.В. Историческая этнология. М. Аспект-Пресс, 1998.- 247 с.
- 3 Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. – М.: МГУ,1989. – 224с.
- 4 Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – Алматы: Санат, 1997. – 320 б.

- 5 Систематическое собрание законов КАССР, действующих на 1 января 1930г. (6 октября 1920г. – 31 декабря 1929г.). – Алма-Ата: 1930. – 224с.
- 6 АП РК.(Архив Президента Республики Казахстан) Ф.141. Оп.1. Д.5049.
- 7 АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6397.
- 8 ЦГА РК. (Центральный Государственный Архив РК) Ф.135. Оп.1. Д.11.
- 9 АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.1675.
- 10 Алланиязов Т.К. Коллективизация по – карсакпайски. 1928-1933гг. Учебное пособие. – Алматы: Фонд «XXI век», 2001. – 232 с.
- 11 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3308
- 12 ЦГА РК. Ф.44. Оп. 11. Д. 461
- 13 АПРК. Ф. 719. Оп. 3. Д. 220
14. АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.675.
- 15 Г. Кара-Мурза Советская цивилизация М. 2001. т.1.- 196 с.
- 16 Ильенков И. Тоталитарный режим //Интернет-ресурсы
- 17 Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. 1917-1953 гг. М. РОССПЭН, 2011- 270 с.
- 18 Хобсбаум Э. Разбой как социальное явление // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире /пер. с англ. – М.: Прогресс-Академия, 1992. - С. 289-291.
- 19 Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Пер. с англ. – М. : Прогресс-Академия, 1992. - С.202-210.